

4. Karpińska G. E., Niewiadomska M. Bibliografia zawartości «Ludu» за lata 1895-1985. Wrocław. – 1988. – 385 s.
5. Kronika // Lud. – 2008. – Т. 92. – S. 335-398.
6. Kronika Polskiego Towarzystwa Ludoznawczego (1895-1995). – Wrocław. – 1997. – 240 s.
7. Lugońska J. „Literatura Ludowa” wobec problemów i dylematów współczesnej folklorystyki // Lud. – 2003. – Т. 87. – S. 45-61.

УДК 392.12 (476.2 – 12)

Новак В.С.
(Гомель, Беларусь)

РОДИЛЬНЫЙ ОБРЯД ГОМЕЛЬСКОГО ПОЛЕСЬЯ: СТРУКТУРА И РЕГИОНАЛЬНО-ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

У статті розглядаються регіонально-локальні особливості пологово-хрестинної обрядовості Гомельського Полісся, акцентується увага на обрядових структурних компонентах і пов'язаних з ними міфологічних уявленнях.

Ключові слова: *хрестини, міфологічні уявлення, заборони та приписи, обряд розбивання горщика з кашею, комплекс дій, магія, локальні особливості.*

В статье рассматриваются регионально-локальные особенности родильно-крестинной обрядности Гомельского Полесья, акцентируется внимание на обрядовых структурных компонентах и связанных с ними мифологических представлениях.

Ключевые слова: *крестины, мифологические представления, запреты и предписания, обряд разбивания горшка с кашей, комплекс действий, магия, локальные особенности.*

The article deals with the regional-local features of the maternity-christening ceremonies of Gomel Polesie, focuses on the ritual structural components and related mythological representations.

Key words: *baptisms, mythological ideas, the prohibitions and regulations, the rite of breaking the pot of porridge, a complex action, magic, local peculiarities.*

Важным источником изучения родильной обрядности Гомельского Полесья являются материалы полевых экспедиций, которые систематически проводились на протяжении трех десятилетий во всех районах Гомельской области. Богатые фактические материалы, собранные по родильно-крестинному обряду и находящиеся в архиве научно-учебной фольклорной лаборатории Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, позволяют его реконструировать и определить локальные особенности.

Основными обрядовыми моментами родильно-крестинной обрядности белорусов, которые включены в три цикла (дородовый, родовый и послеродовый), являются

следующие: приметы и поверья, связанные с сохранением беременности женщины, выбор крестного (“кума”) и крестной (“кумы”), подготовка повивальной бабкой обрядовой каши, обряд крещения ребенка, крестинное застолье, обряд разбивания горшка с кашей и ее “деление” между гостями, одаривание подарками повивальной бабки и женщины-рожицы, исполнение родильно-крестинных песен, посвященных крестным, повивальной бабке, родителям новорожденного.

Значительное место в комплексе родильно-крестинной обрядности занимают народные верования, предписания и запреты, направленные на облегчение родов, обеспечение здоровья и счастья новорожденного в будущем. Отметим, что приметы и поверья, связанные с сохранением беременности женщины и рождением ребенка, у разных народов выявляют как общие тенденции, так и отличительные особенности. Общеэтническая родильно-крестинная традиция – это своеобразная система регионально-локальных традиций, которые ее обогащают. Требования к поведению женщины-рожицы получили довольно полную регламентацию в регионально-локальных традициях Гомельского Полесья.

Согласно мифологическим представлениям, внешний вид новорожденного зависел от выполнения тех или иных запретов и предписаний. Устойчивыми были запреты совершать следующие действия: *“Пераступаць вяроўку, провалку, ваабшчэ, каб пятлі не было”* (д. Слобода Мозырского р-на) [1: 152], *“Калі стужалася, то нельзя себя трогать, а то на тым месцы ў дзіця радзімае пятно будзе”* (д. Березовка Мозырского р-на) [1: 152], *“Нельзя было цяжарнай жанчыне падразаць косы, а то ў дзіцяці косы будуць жыдкія, непрыгожыя”* (записано в д. Заречье Брагинского р-на от Фроловой Екатерины Дмитриевны, 1913 г.р.). Хлопоты о рождении здорового ребенка были связаны с запретами по вечерам *“прасці, ткаць, вязаць, а то дзіця будзе абмотана пупавінай”* (записано в д. Заречье Брагинского р-на от Фроловой Екатерины Дмитриевны, 1913 г.р.); *“Цяжарнай нельзя пераступаць праз вяроўку. Нельзя праходзіць паміж двума стаўбамі. Нельзя што-небудзь вязаць ці прасці ў празнік ці ў пост”* (записано в г. Гомель от Злыденко Любови Никитичны, 1928 г.р. (уроженка п. Новый Шлях Брагинского р-на).

В приведенных предостережениях и запретах можно увидеть проявление контактной магии, которая “базируется на представляемом сверхъестественном воздействии определенных веществ, предметов, людей один на одного, если они соприкасались и были разъединены” [2: 27].

Беременная женщина с целью оберега от сверхъестественного воздействия использовала красную шерстяную нитку, которую нужно было носить, как отметила жительница д. Волосовичи Октябрьского р-на Анастасия Павловна Юрчак, 1925 г.н., “на руцэ ці на шы”. По сведениям этой информантки, с этой целью пользовались *“іголкімі, шпількамі, вугальчыкамі, засушанымі кавалачкамі вясельнага каравая, велікоднай соллю, галінкамі рабіны”*. Среди иных предписаний, с помощью которых стремились обеспечить здоровье новорожденного, а также предотвратить многие негативные моменты в его будущей жизни, можно назвать следующие: запрещалось ходить беременной женщине на похороны, ибо считают, что *“дзіцяці будзе шмат хварэць”*, становиться в тот след, который был *“астаўлены ад мокрага вядра ў час, калі прыбіралі ў хаце, бо дзіця будзе ўвесь у лішаню і ня будзе доўга жыці”* (записано в д. Потаповка Буда-Кошелевского р-на ад Шигалевой Александры Константиновны, 1935 г.р.), *“Нельзя было красці, штоб дзеці не былі злодзеямі”* (записано в д. Брилево Гомельского р-на от Гарбузовой Марии Евсеевны, 1929 г.н.).

Повсеместно на территории Гомельского Полесья и пограничных регионов запрещалось беременной женщине толкать домашних животных: *“Нельзя нікакой скаціны голай рукой біць і асобенна выспяткам – будзе шэрсьць у дзіцёнка”* (записано в д. Даниловичи Ветковского р-на от Чуешковой Любови Кузьминичны, 1933 г.р.), *“Нельга было біць хатню жывёлу, бо дзіця вырасце забойцам”* (записано в д. Потаповка Буда-Кошелевского р-на ад Шигалевой Александры Константиновны, 1935 г.р.), *“Нельзя было бярэменнай жанчыне ката тросаць і сабак біць”* (записано в д. Литвиновичи Кормянского р-на от Короедовой Веры Ивановны, 1928 г.р.).

Исходя из народных верований, запрещалось беременной женщине, если она присутствовала при пожаре, касаться своего лица, иначе новорожденного ожидали тяжелые последствия: *“Бярэменнай жэншчыне нельзя было хапацца за ліцо рукамі, калі бачыш пажар”* (записано в д. Брилево Гомельского р-на от Гарбузовой Марии Евсеевны, 1929 г.н.).

В восточнославянской традиции был устойчивым запрет для беременной женщины осуществлять те или иные виды работ в воскресенье и в праздничные дни. На территории Гомельщины запрещалось женщине-роженице шить и вязать в эти дни: *“Калі жанчына цяжарная, то ёй нельзя нічога шыць і вязаць ні ў нядзелю, ні ў празнікі”* (записано в д. Васильевка Добрушского р-на от Куреневой Агафьи Федоровны, 1923 г.н.).

Важным моментом в системе родильно-крестинной обрядности являлся процесс выбора крестных («кумю»). В связи с этим были выработаны в разных локальных традициях Гомельщины соответствующие требования, что неслучайно, ибо крестным родителям отводилась ведущая роль при осуществлении обряда крещения. Например, в д. Старая Дуброва Октябрьского р-на крестных выбирали, чтобы *“былі малодшыя за бацькоў, тады дзеці не будуць доўга заседжвацца ў халасцяках: дзеўкі будуць замуж ісці, а хлопцы жаніцца”* (записано от Кравченко Татьяны Михайловны, 1948 г.р.). Крестных родителей в д. Потаповка Буда-Кошелевского р-на выбирали из числа только женатых людей, но *“не ў коім разе муж і жонка – гэта забаранялася, бо пасля гэтых хрэсьбін яны пачыналі жыць вельмі дрэнна”* (записано от Шигалевой Александры Константиновны, 1935 г.р.). Поскольку традиция кумовства в народных представлениях имела высокий авторитет, то и ритуалу выбора крестных придавали большое значение. Обычно эту высокую миссию выполнял отец, который должен был обязательно прийти с хлебом и водкой, при этом он приглашал в крестные в положении стоя, чтобы *“дзіцё хутка навучылася хадзіць”* (записано в д. Синичино Буда-Кошелевского р-на от Василевской Марии Андреевны, 1930 г.р.). По народным представлениям, нельзя было отказываться от приглашения быть крестными родителями: *“Адказвацца, калі цябе звалі быць кумам, была нельзя”* (записано в д. Золотой Рог Ветковского р-на от Лукьяненко Ольги Тимофеевны, 1935 г.р.). Как подтвердили жители д. Старое Село Ветковского района, крестных родителей выбирали из числа близких или дальних родственников, ибо они *“далжны аб дзіцёнку забоіцца, калі што з роднымі бацькамі здарыцца”* (записано от Матюковой Нины Даниловны, 1930 г.р.).

Действенная роль в родильно-крестильной обрядности отводилась повивальной бабке, одна из главных функций которой – купание новорожденного. Эта процедура требовала высокой ответственности, профессиональных навыков и большого практического опыта повивальной бабки.

Как правило, сами действия повивальной бабки во время празднования крестин, имели сакральный характер: *“Дзіцёнка мыюць у настоі розных духмяных траў. У тую ваду кідаюць шчэ сярэбраную манету і жытнёвыя зярняткі, каб жа яно было багатае і ішчаслівае. Калі купаюць дзяўчынку, дык жа ўліваюць у воду малака, а гэта ж каб яна была прыгожая”* (записано в д. Лубеники Брагинского р-на от Гайдук Анны Севастьяновны, 1922 г.р.). Бабка-“пупарэзніца”, как называли ее в д. Гать Октябрьского р-на, выполняла ряд магических ритуалов, связанных с подготовкой новорожденного к крещению: *“Перад тым як везці дзіця ў царкву, баба-пупарэзніца абавязкова купала дзіця. Ваду набірала ў калодзежы, грэла яе ў печы, налівала ў драўлянае карыта, кідала ў ваду сухую траву (чыстацел), каб было ў дзіцяці чыстае цела, дубовую кару, каб былі моцныя зубкі”* (записано от Кулак Евы Ивановны, 1923 г.р.). Многие действия, которые выполняла повивальная бабка во время купания ребенка, основывались на принципах имитативной магии. Устойчивой была в регионе традиция дифференцированного отношения к осуществлению ритуалов купания мальчика и девочки: *“Купала першы раз тожа бабка-павітуха. Калі нараджалася дзевачка, то купала яе бабка ў святых красках і гаварыла: “Каб і мая ўнучка была такая красівая і ішчаслівая, як етыя краскі”. А калі нараджаўся хлопчык, то клалі ў начоўкі тапор і гвоздзі, каб хлопчык быў масцеравым”* (записано в д. Михалевка Буда-Кошелевского р-на от Данюк Варвары, 1932 г.р., переселенки из д. Пучин Брагинского р-на). Именно с первым ритуалом купания новорожденного были связаны надежды родителей видеть его в будущем физически здоровым и счастливым: *“На дзевяты дзень – першае рытуальнае купанне дзіцяці. У ночвы кладуць соль і лекавыя травы, сярэбраную манету, каб дзіця было чыстае, здаровае і багатае. Каб дзіця было багатае і ў пары, кідалі калечка, Дзевачку першы раз мылі ў малаке, тады яна будзе белая, красівая. Хлопчыка купалі ў піве – будзе, калі малады, красівы”* (записано в д. Красный Берег Жлобинского р-на от Татариновой Марии Ивановны, 1927 г.р.).

«Крещение было одним из завершающих этапов очистительных обрядов и обрядов включения новорожденного в социальную структуру. К крестинам, в отличие от родин, готовились заранее. Преобладающими были представления о том, что сам ребенок до крещения был не защищен от любого вида порчи и слеза, что он мог быть подменен нечистой силой» [3: 72-73]. Практически во всех районах Гомельской области Беларуси, когда праздновали крестины, то крестному нужно было осуществить ритуал выкупа горшка с кашей, приготовленной повивальной бабкой.

Кроме каши, повивальная бабка должна была сварить и “бабін боршч”, подать на стол и при этом приговаривать: *“Ешце, госці дарагія, цэлую ноч не спала, па балоту брадзіла, буслю лавіла, каб боршч быў вельмі смачны і ўнук ішчаслівы”* (записано в д. Чемерисы Брагинского р-на от Кудренюк Анастасии Григорьевны, 1927 г.р.). Настоящую “бабіну кашу” приносили только в третий раз, но этот ритуал предваряли действия с “обманной” кашей: *“Потым падаюць кашу. Ловяць ката ці пёўна і саджаюць у чыгун, накрываюць ручніком і пытаюцца ў бабы, ці яе гэта каша? Баба адказвала, што гэта не яе каша. Кату ці пёўна абавязкова даюць з ложка гарэлку, для таго каб хрэснік быў здаровы і ішчаслівы. После гэтага падаюць сапраўдную кашу. Верх кашы баба ўпрыгожвае кветкамі, кладзе грошы і абавязкова ўтыркае карандаш, прыгаворваючы: “Вучыся добра, жыві багата і каб квітнеючае была ў цябе жыццё”* (записано в д. Чемерисы Бра-

гинского р-на от Кудренюк Анастасии Григорьевны, 1927 г.р.). “На крестинах обязательно били бабину кашу. Этот обряд не только символизировал благосостояние, здоровье семьи, но и давал возможность собрать средства для роженицы и ребенка. Обряд сохранился и до настоящего времени, но выполняются обрядовые действия по-разному: в одних местностях бабину кашу бьет крестный, в других – тот, кто положит на кашу больше денег, в третьих – кто последним положит деньги, независимо от суммы” [4: 24].

Ритуал разбивания горшка с кашей – кульминационный момент родильно-крестинной обрядности белорусов. Магическое значение придавали “разбитым черепкам” от горшка. Семантику действий, связанных с ними, хоть и объясняли местные жители по-разному, однако почти во всех местностях “сводили” к продуцирующей магии. С магией деторождения был связан обычай в д. Пучин Брагинского р-на класть дно горшка “*на галаву таму мужыку, у каго няма сыноў*” (записано от Данюк Варвары, 1932 г.р.). В д. Китин Жлобинского р-на “*дно гаріка клалі на галаву куме, а чарапкі – іншым жанчынам. Прыгаворвалі, каб нарадзіла ці сына, ці дочку*” (записано от Ткачевой Александры). В д. Передовец Ветковского р-на “*бабы бяруць чарапкі з разбітага гаріка і водзяць імі на галаве мужыка і кажучь: “Сколько на галаве валаскоў, столькі хай будзя раткоў”* (записано ад Суглоб Марии Ивановны, 1932 г.р.). В д. Лозов Буда-Кошелевского р-на “*чарапкі звязваюць у платок, а потым рэшткі кашы аддавалі свінням, каб свінні вяліся*” (записано от Аверьяновой Марии Осиповны, 1937 г.р.). В д. Рассвет Октябрьского р-на несколько черепков, взятых от разбитого горшка, отдавали незамужним девушкам, остальные же повивальная бабка собирала и бросала в угол, приговаривая: “*Кідаю на кут, каб на будушчы год зноў быць тут*” (записано от Расюк Марии Денисовны, 1945 г.р.). На вопрос, с какой целью ложили черепки на голову незамужней девушке, жители д. Лубеники Брагинского р-на дали следующий ответ: “*Тады той, хто сядзіць бліжэй за ўсх ля кашы, хватае чарапкі і кладзе або б’е аб галавы сваіх суседзяў. Часцей за ўсё гэтыя чарапкі клалі на галавы маладым дзеўкам, каб быстрэй нарадзілі дзіця*” (записано от Костюченко Ольги Васильевны, 1930 г.р.). Утилитарно-практическую направленность имели соответствующие действия с черепками от горшка (“варэйкі”) и в д. Дербичи Буда-Кошелевского р-на, когда “*кусочки гаріка-варэйкі лажылі на галавы тым, у каго дзяцей німа, і тады яшчэ парасятам у хлеў кідалі, каб здаровыя раслі*” (записано от Здольниковой Татьяны Филипповны, 1927 г.р.). В д. Рычев Житковичского р-на крестный, разбивая горшок с кашей, приговаривал: “*Дзе чарапкі б’юцца, там дзеці вядуцца*” (записано от Ридецкой А.Н.).

Охранительную семантику имели действия с черепками во время проведения обряда разбивания горшка в д. Синичино Буда-Кошелевского р-на, где “*чарапкі збіралі і потым выкідалі, каб хвароб у дзіцёнка не было*” (записано от Василевской Марии Андреевны, 1930 г.р.). В д. Глазовка Буда-Кошелевского р-на кашей обязательно должны были угостить детей, особенно девушек, чтобы “*быстра выходзілі замуж*” (записано от Циркуновой М.А., 1940 г.р.). Жители д. Гористы Ветковского р-на с крестинной кашей связывали надежды сохранить здоровье зубы: “*На трэці раз кум разбіваў гаршок так, каб каша была цэлай. Яе рэзалі і давалі ўсім гасцям. Калі яе елі, то стараліся, каб каша папала на ўсе зубы. Казалі, калі кашы на хрэсьбінах паесць, то зубы цэлы год балець не будуць*” (записано от Якубович Марии Ивановны, 1936 г.р.).

Крестины в разных местностях Гомельщины завершались древним обычаем “отвозить повивальную бабку” либо крестную. Отметим факт широкого распространения данного обряда величания повивальной бабки на территории Гомельщины, а также богатство его регионально-локальной специфики. В д. Дуброва Октябрьского р-на, “*калі госці добра развесяліліся, нажартаваліся, прыпаміналі даўні звычай адвозіць бабу дадому. Бабу садзілі на санкі, на барану зуб’ем угору. Сцялілі кажух. А калі жартаўнікі, маглі і ў карыце зацегці*” (записано от Кравченко Татьяны Михайловны, 1948 г.р.).

Отличительной чертой родильно-крестинной обрядности в д. Бурки Брагинского р-на являлся обычай “водить хвост”: “*А баба брала тарэлку і карміла ўсіх гасцей кашай, а тыя плацілі грошы. Таксама баба гатавала боршч. Пасля вадзілі “хвост”. Баба, кум і кума ішлі дадому да бабы, а за імі ўсе астатнія і працягвалі гулянне*” (записано от Романюк Марии Адамовны, 1930 г.р.). Аналогичное явление в д. Дубровное Брагинского р-на имело название “вазіць на хвост”: “*А на другі дзень трэба ж бабу на барану пасадыць да везці да яе дому. А як жа: “Ты, баба, баба, глядзі, а на хвост павязем”. Бяруць барану, перакульваюць тымі зубамі ўніз, а бабу на барану садзяць, падсцілаюць ей, штоб мякка было, і вязуць тую бабу на баране мужыкі, бабы ідуць іззаду, спяваюць: “Ой, ты, баба, баба! //Да не жалей ты нам на хвасту, // Да ўгасці ты нас дабрэнна, // Да пабачым, як ты, баба, жывееш, // Якія ў хаце песні пяеш”*”.

Рассмотренные материалы по родильно-крестинной обрядности позволяют сделать выводы о богатстве местной специфики ритуальных действий и предметной атрибутики в разных регионально-локальных традициях Гомельщины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мазыр. 850 год: У 3 т. Т. 3 Справдечнай мудрасці скарбонка: сучасны стан традыцыйнай культуры г. Мазыра / Укладанне, сістэматызацыя, тэксталагічная праца, уступныя артыкулы, рэдагаванне В.С. Новак, Л.В. Мельнікавай, С. А. Вяргеенка, А.А. Кастрыцы, А.В. Кучаравай і інш. Гомель: КВПУП “Сож”, 2005. – 296 с.
2. Сямейна-абрадавая паэзія. Народны тэатр / А.С. Фядосік, А.С. Емяльянаў, У.М. Сысоў, М.А. Каладзінскі; Навук. рэд. К.П. Кабашнікаў. – Мн.: Бел. навука, 2001. – 422с.
3. Чухина, А.А. Родильный обряд Архангельского севера: содержание, структура и локальные особенности / А.А. Чухина // Традиционная культура. – 2007. – № 3.
4. Фядосік, А.С. Беларуская сямейна-абрадавая паэзія / А.С. Фядосік / Навук. рэд. А.С. Ліс. – Мн.: Беларускі кнігазбор, 1997. – 126 с.